

·the big book·

Кейт Мосс

ЛАБИРИНТ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 83

Kate Mosse
LABYRINTH
Copyright © 2005 by Mosse Associates Ltd
All rights reserved

Перевод с английского Галины Соловьевой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Карта и рисунок выполнены Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-15551-0

© Г. В. Соловьева, перевод, 2006
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Моему отцу Ричарду Моссу,
цельному человеку и современному шевалье*

*Грегу, как всегда, за все — прошлое,
настоящее и будущее*

К читателю

Впервые я оказалась в Каркасоне много лет тому назад и сразу почувствовала, что эти места мне знакомы и понятны. Удивительный особый свет, далекие горы, и повсюду, как шрамы земли, напоминания о горестной и кровавой истории Религиозных войн. Все было знакомым, хотя я и видела это впервые, и все очаровало меня. Я гуляла, смотрела, изучала историю катаров — христиан XIII века, осужденных за ересь. Присутствие их душ ощущаешь в тех местах. Я читала о них все, что могла найти, не преследуя особой цели, просто меня захватила их судьба. Работала я тогда над другим: в голове созревал замысел романа о легендах, мифах, загадках и древних обществах — рассказ о том, как живут тайны, изменяясь от поколения к поколению, — история Грааля, которая должна была перевернуть с ног на голову общепринятые теории, история дохристианского Грааля. Действие разворачивалось в Египте, а не во Франции.

Но в памяти у меня остались легенды и история Лангедока. Мало-помалу две линии сюжета сливались, и определился новый замысел: судьбы некогда живших людей, прошлое, преломленное в настоящем, корни которого уходят в глубь времен. Три пропавшие книги, две женщины, одна тайна, скрытая в сердце лабиринта: история Грааля разыгрывалась в величественных и дышащих вечностью декорациях Юго-Западной Франции.

Время поисков и открытий, места и люди, испытания и ошибки, возвращение по своим следам, чтобы начать все сначала, — это были удивительные переживания. Волнение, удивление, борьба, радость — я почти жалею, что закончила работу. Теперь передаю книгу вам в надежде, что чтение принесет вам столько же удовольствия, сколько мне — ее написание.

Кейт Мосс

Историческая справка

В марте 1208 года папа Иннокентий Третий провозгласил Крестовый поход против христианской секты в Лангедоке. Теперь эти христиане известны под названием «катары». Сами они именовали себя *Bons Chrétiens* и *Bons Homes*¹. Бернар Клервоский называет их альбигойцами, а в регистрах инквизиции они значатся как еретики. Целью папы Иннокентия было изгнание катаров из Миди² и восстановление религиозной власти католической церкви. Французских баронов, присоединившихся к походу, интересовала возможность приобрести новые земли, богатства и торговые преимущества, подавив упорную независимость южной знати.

Хотя Крестовые походы прочно вросли в жизнь христианского сообщества начиная с XI века — и во время Четвертого крестового похода при осаде крепости Зара крестоносцы обратились против своих собратьев-христиан, — но впервые священная война была открыто объявлена христианам, причем на европейской земле. Преследование катаров непосредственно привело к созданию в 1233 году инквизиции под эгидой черного братства доминиканцев.

Какие бы религиозные мотивы ни вдохновляли католическую церковь и некоторых из вождей крестоносцев, таких как Симон де Монфор, в конечном счете это была захватническая война и переломный момент в истории того, что теперь стало Францией. Это означало конец независимости Юга и уничтожение множества традиций, идеалов и обычаев южан.

Термин «крестовый поход», как и термин «катары», не используется в средневековых документах. Армия именуется Воинством —

¹ «Добрые христиане» и «добрые люди» (окс.).

² *Миди* — неофициальное, но широко распространенное название региона на юге Франции.

«l'Ost» на окситанском. Однако, поскольку оба термина вошли ныне в обиход, я иногда использую их для упрощения рассказа. Более подробные сведения о языке того времени помещены в конце книги вместе с кратким словарем. В тексте книги выделены курсивом слова, поясненные в этом словаре.

И познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Ин. 8: 32

История — это прожитый роман, роман — это история, которую можно было бы прожить.

Э. и Ж. де Гонкуры

Потерянного времени не вернуть.

*Средневековая
окситанская пословица*

ПРОЛОГ

1

ПИК ДЕ-СОЛАРАК, ГОРЫ САБАРТЕ, ЮГО-ЗАПАДНАЯ ФРАНЦИЯ

Понедельник, 4 июля 2005 года

Тонкая ниточка крови стекает по бледной коже на внутренней стороне предплечья — красной строчкой по белой ткани.

Сперва Элис принимает ее за муху и не обращает внимания. Мухи на раскопках — неизбежное зло, причем по непонятной причине чем выше в горы, тем больше мух, а она работает высоко над основным раскопом. Потом капля крови плюхается на голое колено, взрываясь, как фейерверк в ночь Гая Фокса.

Тогда она поднимает глаза и замечает, что порез на локте снова открылся. Ранка глубокая и никак не хочет заживать. Элис со вздохом прижимает полоску пластыря и ту же затягивает бинт. Потом — все равно никто не видит — слизывает с запястья красную струйку.

Из-под кепки выбивается прядь волос цвета патоки. Она заправляет их на место и вытирает платком лоб, прежде чем затянуть потуже конский хвостик волос на затылке.

Раз уж отвлеклась, Элис встает и разминает длинные ноги, покрытые золотистым загаром. В парусиновых шортах из обрезанных выше колена брюк, в обтягивающей белой майке она выглядит почти подростком. Раньше ее это огорчало. Теперь, став старше, она оценила преимущества девчоночьей внешности. Единственная дань женственности — крошечные серебряные звездочки серег, сверкающие, как стеклярус.

Элис откручивает колпачок бутылки. Вода согрелась, но пить хочется так, что ей все равно, и она пьет большими жадными глотками. Внизу над выщербленным асфальтом дороги колыхается жаркое марево, наверху — бесконечная синева неба. Хорцикад, укрывшийся от солнца в сухой траве, звенит без умолку.

Элис первый раз в Пиренеях, но уже чувствует себя как дома. Ей рассказывали, что зимой зазубренные пики гор Сабарте покрыты снегом. Весной из расщелин скал робко выглядывают нежные цветы — розовые, белые, бледно-зеленые. В начале лета пастбища зеленеют и пестрят желтыми головками лютиков. Но с тех пор солнце успело выжечь землю, и зелень склонов сменилась бурой краской. «Красивые места, — думает Элис, — только какие-то негостеприимные. Здесь живут тайны. Эта земля слишком много видела, чтобы быть в мире с собой».

Ниже по склону, в главном лагере, Элис видит своих коллег, собравшихся под полотняным навесом. Шелаг она отличает по фирменному черному костюмчику. Странно, что они прервали работу. Для перерыва еще рановато. Правда, вся команда в последнее время работает с холодком.

Работа по большей части кропотливая и однообразная: копать, скрести, составлять каталог и вести записи. Находки же пока не оправдывают усилий. Черепки ранней средневековой керамики да пара наконечников стрел конца XII — начала XIII века, и никаких признаков палеолитической стоянки, ради которой и ведутся раскопки.

Мелькает соблазнительная мысль спуститься вниз, к друзьям и коллегам, попросить поправить повязку. Порез саднит, а икры уже ноют от работы на корточках. И плечи сводит. Но Элис понимает, что если сейчас прерваться, то вдохновение уйдет.

Она надеется на удачу. Вчера она заметила что-то блестящее под большим плоским валуном, прислоненным к обрыву так точно и аккуратно, словно его уложила туда гигантская рука. Разглядеть, что там или хотя бы какой величины, не удалось, но она копала все утро и теперь считает, что осталось немного.

Элис знает, что следовало бы кого-нибудь позвать. По крайней мере, предупредить Шелаг — подругу и второе лицо на раскопе после начальника. Сама Элис — не археолог, а волонтер, уделивший часть отпуска полезному занятию. Но сегодня она последний день на раскопках, и ей хочется показать себя. Если вернуться в лагерь и признаться, что нашла что-то, все кинутся сюда, и открытие уже не будет принадлежать ей одной.

В ближайшие дни и недели Элис не раз вспомнит эту минуту: яркий свет, металлический привкус крови и пыли на губах —

и задумается, как бы все сложилось, если бы она решила уйти, а не остаться. Если бы жила по правилам.

Допив последние капли воды, она сует бутылку в рюкзак. Еще несколько часов под ползущим к зениту солнцем, в нарастающем зное, она продолжает копать. Слышен только скрежет стали по камню, гудение насекомых да иногда — приглушенный гул далекого самолета. Она чувствует капельки пота над верхней губой и между грудями, но не отрывается от работы, пока подкоп под валуном не оказывается достаточно большим, чтобы просунуть руку.

Элис опускается на колени, прижимаясь плечом и щекой к камню, и с замиранием сердца протискивает пальцы в темное слепое отверстие. Она мгновенно понимает, что предчувствие не обмануло и находка стоит трудов. На ощупь предмет гладкий, чуть скользкий — явно металл, а не камень. Надежно ухватив его и велев себе не ждать слишком многого, Элис медленно-медленно вытягивает находку к свету. Земля, кажется, вздрагивает, не желая расставаться со своим сокровищем.

Густой глинистый запах влажной земли ударяет в нос, но она его не замечает. Она уже заблудилась в прошлом, плененная обломком истории, лежащим в ладони. Это тяжелая округлая пряжка, покрытая зеленой и черной патиной от долгого лежания в земле. Элис трет металл пальцем и улыбается, видя, как из-под слоя грязи проступают медные и серебряные детали. На первый взгляд пряжка средневековая — застежка от плаща или накидки. Что-то в этом роде она уже видела.

Ей известно, как опасно делать выводы, руководствуясь первым впечатлением, но разве можно не вообразить владельца пряжки, теперь давно умершего, проходившего некогда этими тропинками? Незнакомца, чью историю еще предстоит узнать.

Она так захвачена, так поглощена возникшими в воображении картинками, что не замечает, как шевельнулся нависший над ней валун. Но некое шестое чувство заставляет ее поднять взгляд. На долю секунды мир замирает вне пространства и времени. Элис зачарованно смотрит, как толстая каменная плита, покачнувшись, медленно начинает валиться на нее.

В самый последний миг свет разлетается вдребезги. Чары разбиты. Элис отшатывается, откатывается в сторону, уходя от

грозящей раздавить ее скалы. Валун обрушивается наземь с глухим ударом, взметнув тучу бурой пыли, неторопливо кувыркается вниз, раз и другой, и замирает на склоне.

Элис судорожно цепляется за куст, удерживаясь от падения. Минуту она лежит ничком в пыли. В голове все плывет, и она плохо понимает, что произошло. Потом до нее доходит, что она была на волосок от смерти, и по коже пробегает озноб. «Чуть не попал», — думает она, переводит дыхание и ждет, пока мир перестанет вращаться.

Понемногу удары пульса в голове затихают, тошнота отступает, и все приходит в норму настолько, что можно сесть и осмотреться. Ободранные коленки в крови, и запястье она растянула, когда упала на руку, зажав в кулаке пряжку, но в целом легко отделалась. Цела.

Она встает и отряхивает пыль, чувствуя себя полной идиоткой. Просто не верится, что она могла сделать такую грубую ошибку — не закрепить валун. Только теперь Элис оглядывается на основной раскоп и с облегчением видит, что там, внизу, никто ничего не заметил. Она поднимает руку, чтобы помахать им, и тут замечает узкий проход в обрыве, открытый откатившимся валуном. Будто дверной проем, прорубленный в скале.

Говорят, в этих горах множество пещер и скрытых туннелей, так что Элис не удивляется. «И все-таки, — думает она, — я заранее знала, что здесь есть проход, хотя снаружи ничего не было заметно. Вернее сказать, догадывалась».

Элис замирает в нерешительности. Конечно, надо кого-нибудь позвать. Лезть внутрь без страховки глупо, а может быть, и опасно. Она прекрасно представляет, что может случиться. Но ведь она и работала здесь без разрешения. Шелаг ничего не знает. Кроме того, что-то влечет ее внутрь. Дело кажется личным. Это ведь ее собственное открытие.

«Нет смысла зря отрывать всех от работы», — уговаривает себя Элис. Если здесь есть на что смотреть, она кого-нибудь позовет. Она же ничего не будет трогать, только посмотрит.

«Всего-то одна минута».

Она карабкается обратно вверх. На месте плиты, преграждавшей вход, осталась глубокая вмятина. Во влажной земле кишат

черви и личинки, неожиданно оказавшиеся открытыми солнцу и зною. Рядом валяется свалившаяся с головы кепка. И ее лопатка тоже лежит на прежнем месте.

Элис вглядывается в темноту. Отверстие не больше пяти футов в высоту и трех — в ширину. Края неровные, шершавые. Это не похоже на дело рук человека, хотя, проводя пальцами по камню, она нащупывает необычные гладкие участки там, где к скале прижималась каменная плита.

Постепенно глаза привыкают к сумраку. Чернота бархата уступает место пепельно-серому свету, и она уже может разглядеть узкий длинный коридор. По спине бегут мурашки, страшно-вато: того, что таится там, в темноте, лучше не тревожить. Но она отбрасывает прочь ребяческие страхи и суеверия. Элис не верит ни в призраков, ни в предчувствия.

Крепко, как талисман, зажав в руке пряжку, она делает глубокий вдох и шагает в проход. Древний подземный воздух мгновенно обволакивает ее, наполняет рот, гортань, легкие. Воздух прохладный и влажный. Это не сухой ядовитый газ пещерных карманов, от которого ее предостерегали, и она догадывается, что где-то есть приток свежего воздуха. Все-таки, просто на всякий случай, она нашаривает в кармане шортов зажигалку, щелкает кнопкой и, подняв огонек, удостоверяется, что кислорода здесь достаточно. Пламя колышется на сквозняке, но не гаснет.

Преодолевая неуверенность и легкое чувство вины, Элис завязывает найденную пряжку в носовой платок, прячет в карман и осторожно продвигается вперед. Огонек зажигалки дает мало света, но все же освещает землю под ногами, отбрасывая тени на неровные серые стены.

Углубляясь в туннель, Элис чувствует, как холодный воздух котенком касается голых рук и ног. Проход идет вниз, она чувствует под ногами уклон шершавого пола. В подземной тишине громко шуршат под ногами мелкие камешки и галька. Уходя вглубь, она спиной чувствует, как съеживается и меркнет позади окошко дневного света.

Неожиданно желание идти дальше пропадает. Ей здесь совершенно нечего делать! Но что-то неотвратимое увлекает ее глубже в брюхо горы.

Еще десять метров, и туннель обрывается. Элис стоит на пороге замкнутого подземного зала. Стоит на естественной скальной площадке. С нее две низкие широкие ступени ведут вниз, к выровненному и выглаженному полу. Длина пещеры около десяти метров, ширина — пять, и над ней несомненно потрудились человеческие руки. Низкий сводчатый потолок напоминает крышу склепа.

Элис вглядывается, подняв повыше колеблющийся огонек. Ее тревожит необъяснимое и странное чувство узнавания. Она уже готова спуститься по ступеням, когда замечает выбитые на каменной плите буквы, и нагибается, пытаясь разобрать надпись. Читаются только первые три слова и последняя буква — то ли «N», то ли «H». Остальное стерлось или сбито резцом. Элис пальцем обводит буквы и читает вслух. Эхо ее голоса отдается в тишине враждебно и угрожающе: P-A-S A P-A-S... Pas a pas.

Шаг за шагом? Что «шаг за шагом»? Пузырьки воспоминания всплывают на поверхность подсознания. Словно давно забытая песня. Потом исчезают.

«Pas a pas», — снова шепчет Элис, но слова ничего не значат. Молитва? Предупреждение? Лишенная продолжения, надпись не имеет смысла.

Нервы натягиваются. Выпрямившись, Элис одну за другой проходит ступени. Любопытство борется в ней с настороженностью, и по коже бегут мурашки. От беспокойства или от подземного холода, она сама не знает.

Элис высоко держит зажигалку, чтобы осветить себе дорогу, не поскользнуться и ничего не повредить. Внизу она останавливается, глубоко вздыхает и шагает в чернильную тьму. Ей едва видна задняя стена зала.

Может быть, это всего лишь игра света и теней, отброшенных огоньком, но ей издалека видится крупный узор кругов и полукружий, высеченных или выведенных краской на стене. На полу под узором — каменная плита около четырех футов в высоту. Алтарь?

Элис, упершись взглядом в стену с узором, осторожно пробирается вперед. Теперь чертеж выглядит яснее. Он напоминает лабиринт, но память подсказывает, что есть в нем какая-то

неправильность. Это не настоящий лабиринт. В нем нет дороги к центру. Узор неправильный. Элис не сумела бы объяснить, откуда в ней такая уверенность, но не сомневается, что права.

Не отрывая взгляда от лабиринта, она переступает ближе и ближе. Нога сбивает твердый предмет, лежащий на полу. Слабый сухой удар, и что-то легкое откатывается по камню.

Элис переводит взгляд под ноги.

Колени у нее дрожат от страха. Бледный огонек в руке мигает. Элис с трудом выдыхает. Она стоит на краю неглубокой могилы — просто углубление в земле, не более того. В нем два скелета — два бывших человека. Очищенные временем кости. Слепые глазницы одного черепа уставлены на нее. Второй, сбитый ее ногой, лежит на боку, словно отведя взгляд.

Тела были положены бок о бок лицом к алтарю, как изображают на могильных плитах. Они лежат симметрично и совершенно прямо, но могила не наводит на мысли о покое. Здесь нет мира. Скула одного черепа проломлена, вдавлена внутрь, как маска из папье-маше. У другого скелета сломанные ребра торчат, как сучья засохшего дерева.

«Они ничем не могут тебе повредить». Не желая поддаваться страху, Элис заставляет себя присесть, стараясь ничего больше не сместить и не нарушить. Она обводит глазами могилу. Между телами лежит кинжал с потемневшим от времени клинком и несколько клочков ткани. Рядом затянутый шнурком кожаный мешочек. В нем могла бы поместиться небольшая шкапулка или книга. Элис сдвигает брови. Она уверена, что уже видела когда-то нечто подобное, но воспоминание ускользает.

Круглая белая вещица между похожими на когти пальцами меньшего скелета так мала, что Элис едва не проглядела ее. Не успев задуматься, можно ли так поступать, она достает из кармана пинцет и бережно высвобождает предмет. Потом, осторожно сдув пыль, подносит к свету.

Это маленькое каменное кольцо, простое, ничем не примечательное, с гладкой закругленной поверхностью. И оно тоже кажется странно знакомым. Элис всматривается внимательней. На внутренней стороне выцарапан рисунок. Сперва она принимает его за своеобразную печать. Затем, толчком, приходит по-

нимание. Элис поднимает взгляд к чертежу на задней стене пещеры и снова смотрит на кольцо.

Узор в точности повторяется.

Элис не религиозна. Она не верит ни в рай, ни в ад, ни в Бога, ни в дьявола, ни в духов, которые, по поверьям, обитают в здешних горах. Но впервые в жизни ее охватывает ощущение сверхъестественного, необъяснимого, присутствия чего-то, не уместяющегося в рамках ее опыта и понимания. Она чувствует, как зло касается ее кожи, волос, стекает к подошвам ног.

Храбрости как не бывало. В пещере вдруг становится очень холодно. Страх хватает ее за горло, замораживает воздух в груди. Элис с трудом распрямляет колени. Что она здесь делает, в этой древней пещере? Теперь у нее только одно отчаянное желание: выбраться наружу, подальше от этого свидетельства давней жестокости, от запаха смерти — к надежному, яркому солнечному свету.

Но уже поздно.

Над собой или позади она слышит звук шагов. Шаги отдаются от каменных стен, отскакивают от скалы к скале. Кто-то идет.

Испуганно обернувшись, Элис роняет зажигалку. Пещерный зал погружается в темноту. Она хочет бежать, но не находит ступеней и выхода в туннель. Она спотыкается, теряет под собой опору.

Падает. Кольцо откатывается обратно к костям, которым принадлежит.

2

КАРКАСОН, ЮГО-ЗАПАДНАЯ ФРАНЦИЯ

В нескольких милях птичьего полета на восток, в маленькой деревушке, затерянной в горах Сабартс, высокий худой человек в светлом костюме сидит за столом из темного полированного дерева.

Потолок в комнате низкий, а пол, выстланный большими квадратными плитами цвета красноватой горной земли, сохраняет в ней прохладу, несмотря на царящий на улице зной. Единственное окно закрыто ставнями, и в помещении было бы темно, если бы не круг желтого света, отброшенный керосиновой лампой, стоящей на столе. Рядом с лампой — стакан, почти до краев наполненный красной жидкостью.

По столу разбросаны листки толстой желтоватой бумаги, исписанные частыми строчками мелкого четкого шрифта. В комнате тихо, только слышно шуршание пера, оставляющего черный чернильный след, да звяканье кубиков льда в стакане, когда человек подносит его к губам. Тонкий запах вишневой настойки и тиканье часов, отмеряющих промежутки, когда пишущий задумывается, прежде чем снова взяться за перо.

В этой жизни мы оставляем после себя память о том, кем были и что делали. Оттиск, не более. Я многому научился. Я приобрел мудрость. Но изменил ли я что-либо? Не знаю. Pas a pas, se va l'ènh.

Я видел, как зелень лета сменяется золотом осени, как осенняя медь уступает зимней белизне, пока я сидел, ожидая наступления ночи. И снова и снова я спрашивал себя — зачем? Если бы я знал заранее, каково жить в таком одиночестве, оставаясь единственным свидетелем бесконечного круговорота рождений, жизней и смертей, — как бы я поступил? Увы, меня тяготит невыносимо растянувшееся одиночество. Я пережил эту долгую жизнь с пустотой в сердце — с пустотой, которая все эти годы ширилась и ширилась и уже не уместается во мне.

Я старался исполнить данные тебе обещания. Одно — выполнено, другое осталось неисполненным. Пока еще неисполненным. Последнее время я чувствую, что ты рядом. Наше время снова подходит. Все говорит об этом. Скоро пещера откроется. Все вокруг меня указывает, что это так. И книга, так долго остававшаяся надежно скрытой, снова будет найдена.

Человек откладывает перо и тянется к стакану. Глаза его потускнели, затянутые дымкой воспоминаний, но *гиньоле* крепко и сладко. Глоток оживляет пишущего.

Я ее нашел. Наконец нашел. И я гадаю: узнает ли она книгу, когда я вложу ее ей в руки? Записана ли память в ее крови и костях? Вспомнит ли она, как мерцает и переливается переплет? Открывая и перелистывая страницы, бережно, чтобы не повредить сухого и ломкого пергамента, вспомнит ли слова, долетевшие эхом из глубины веков?

Я молю о том, чтобы наконец, на закате такой долгой жизни, мне выпал случай исправить то, с чем я не справился когда-то, и узнать наконец истину. Истину, которая даст мне свободу.

Человек откидывается назад, опустив на крышку стола руки, покрытые старческими веснушками. После долгого ожидания узнать наконец, чем тогда все кончилось.

Больше ему ничего не нужно.

3

ШАРТР, СЕВЕРНАЯ ФРАНЦИЯ

К вечеру того же дня, в шестистах милях к северу, другой человек стоит в тускло освещенном подземелье под улицами Шартра, ожидая начала церемонии.

У него вспотели ладони, пересохло во рту, он чувствует каждый нерв, каждый мускул своего тела, биение пульса в висках. Он смущен, и голова у него кружится — от волнения и предчувствий или, может быть, от вина. Непривычное одеяние из белого полотна тяготит плечи, пояс из витой пеньковой веревки натирает бедра. Украдкой он бросает короткий взгляд на молчаливо стоящих по сторонам от него людей, но лица у обоих скрыты капюшонами. Человек не сумел бы сказать, разделяют они его нервозность или обряд давно стал для них привычным. Одеты они в такие же полотняные рясы, только белого полотна почти не видно под золотой вышивкой, и на ногах у них сандалии. Его босые ноги чувствуют холод каменных плит пола.

Наверху, над переплетением потайных ходов, слышится звон колоколов большого готического собора. Человек чувствует, как

встрепенулись стоящие рядом с ним. Этого сигнала они ждали. Человек поспешно склоняет голову, пытаясь проникнуться значением этой минуты.

— Je suis prêt¹, — бормочет он, не столько сообщая о готовности, сколько желая подбодрить самого себя.

Сопровождающие ничем не показывают, что слышат его слова.

Когда затихает последний отголосок колокола, служка, стоявший по левую руку от него, делает шаг вперед, и камень, скрытый в его ладони, отбивает пять ударов в тяжелую дверь. Изнутри доносится отклик: «*Dintrar*» — «Войдите».

Человеку чудится, что женский голос ему знаком, но гадать, где и когда он его слышал, некогда, потому что дверь распахивается, открывая камеру, в которую он так долго стремился попасть.

Все так же в ряд трое медленно продвигаются вперед. Все отрепетировано заранее, и человек знает, чего ожидать, но все же колени у него вздрагивают. После промозглого туннеля камера кажется жаркой и темной. Свет падает только от свечей, установленных в нишах и на самом алтаре. По полу мечутся длинные тени.

В крови у него кипит адреналин, и человек наблюдает происходящее словно бы со стороны.

Четыре старших жреца стоят по четырем сторонам зала — с северной, южной, западной и восточной стороны. Вошедшему мучительно хочется поднять глаза и осмотреться, но он принуждает себя склонить голову, пряча лицо, как его учили. Он, не видя, угадывает выстроившихся вдоль стен посвященных — шестеро у каждой из длинных сторон прямоугольной камеры. Он чувствует тепло их тел, слышит дыхание, хотя все собравшиеся замерли в молчаливой неподвижности.

Человек заранее выучил свою роль по врученной ему бумаге и, проходя к надгробию в центре, спиной чувствует взгляды. Он гадает, нет ли здесь его знакомых. Среди членов общества могут оказаться и деловые партнеры, и жены приятелей — кто угодно. Слабая улыбка возникает у него на губах, когда он поз-

¹ Я готов (*фр.*).

воляет себе пофантазировать насчет перемен, которые последуют за его принятием в общество.

Действительность резко напоминает о себе, когда он спотыкается и едва удерживается от падения к подножию гробницы. Камера оказывается меньше, чем ему представлялось по чертежу, — меньше и теснее. Он рассчитывал, что путь от двери к каменной плите будет дольше.

Опускаясь на колени, он слышит, как за спиной у него кто-то шумно вздыхает, и удивляется этому признаку волнения. У него самого сердце бьется чаще, и, опустив взгляд, человек видит побелевшие костяшки своих стиснутых рук. Он смущенно складывает ладони, затем, опомнившись, опускает руки как положено, вдоль тела.

В жестком каменном полу, который он чувствует коленями сквозь тонкую ткань одеяния, видно легкое углубление. Человек чуть ерзает, стараясь незаметно устроиться поудобнее. Впрочем, неудобное положение помогает отвлечься, и он принимает его почти с благодарностью. В голове все еще шумит, и ему трудно собраться с мыслями и вспомнить порядок церемонии, который он столько раз повторял по памяти.

Удар колокола в стенах камеры — пронзительная звенящая нота, и вслед за ней возникает звук поющих голосов, поначалу чуть слышный, но быстро разрастающийся, когда новые голоса подхватывают напев. Обрывки слов и фраз гулко отдаются у него под черепом: *montanhas* — «горы»; *noblessa* — «благородные»; *libres* — «книги»; *graal* — «Грааль»...

Жрица отделяется от высокого алтаря и направляется к нему. Человек слышит только легкий шорох ее платья, но представляет, как колышется и мерцает в свете свечей золотое одеяние. Этой минуты он ждал.

— Je suis prêt, — чуть слышно повторяет он и на этот раз говорит правду.

Жрица останавливается прямо перед ним. Сквозь густой аромат курений он слышит запах ее духов — легких и нежных. Когда она, склонившись, берет его за руку, он перестает дышать. Прикосновение прохладных ухоженных пальцев током, а может быть, желанием отдается к плечу, когда жрица вкладывает ему в ладонь гладкий округлый предмет и сгибает поверх

его пальцы. Теперь ему хочется — как никогда в жизни ничего не хотелось — взглянуть ей в лицо. Но он не отрывает от пола потупленного взгляда — как ему велели.

Четверо старших жрецов покидают свои места и присоединяются к жрице. Кто-то мягко запрокидывает ему голову, и густая сладкая жидкость вливается между губами. Человек ожидал этого и не пытается сопротивляться. Когда тепло расходится по его телу, он вскидывает руки, и золотая мантия опускается ему на плечи. Присутствующие не раз были свидетелями подобных церемоний, однако человек ощущает их беспокойство.

Внезапно он чувствует, как стальная лента перехватывает ему горло, раздавливая гортань. Руки его взлетают к горлу, человек сражается за возможность вздохнуть. Он пытается крикнуть, но голоса нет. Колокол снова начинает отбивать удары, и однозвучный пронзительный гул затопляет его. Волна тошноты подступает к горлу. Человек чувствует, что теряет сознание, и как последнюю опору стискивает вложенный ему в руку предмет, так что ногти вонзаются в ладонь. Резкая боль заставляет беспамятство отступить. Теперь он осознает, что руки, лежащие на его плечах, не утешают и поддерживают, а не дают встать. Новая волна тошноты, и пол под ним, кажется, качается и уходит в сторону.

Зрение подводит его, перед глазами все плывет, однако человек видит, что в руке жрицы появился нож. Он не заметил, откуда взялось серебристое лезвие. Он пытается встать, но наркотик в крови лишает его сил. Он уже не владеет своим телом.

— Нет!¹ — пытается вскрикнуть он, но уже поздно.

Сперва ему представляется, будто его просто ударили между лопатками. Потом глухая боль распространяется вширь. Теплая струйка стекает по спине.

Неожиданно разжимаются удерживавшие его руки, и человек ничком падает на пол — оседает, как тряпичная кукла, на метнувшийся ему навстречу камень. Ударившись головой, он не чувствует боли — прохладное прикосновение гладких плит кажется почти ласковым. Глаза легко смыкаются. Он больше ничего не чувствует, и только издали доносится голос.

¹ Нет! (фр.)

— Une leçon. Pour tous¹, — кажется, произносит он, но слова лишены смысла.

Последним усилием сознания человек, обвиняемый в раскрытии тайны, приговоренный за то, что говорил, когда следовало молчать, сжимает невидимый в его ладони предмет. Потом пальцы его разжимаются, и маленький серый диск, не больше монеты, катится по полу. На одной его стороне вырезаны буквы «NV», на другой — лабиринт.

4

ПИК ДЕ-СОЛАРАК, ГОРЫ САБАРТЕ

Мгновение длится молчание. Затем темнота тает. Элис уже не в пещере. Она плывет в белом, лишенном тяжести мире, прозрачном, мирном и молчаливом.

Она свободна. В безопасности.

Элис представляется, что она ускользает из потока времени, вываливается из одного измерения в другое. Линия, тянущаяся из прошлого в настоящее, блекнет в этом пространстве безвременья и бесконечности.

Потом словно открывается люк под виселицей, и рывком начинается падение вниз, из свободы небес к поросшим лесом горам. Ставший твердым воздух свистит в ушах, и ее все быстрее, все жестче тянет к земле.

Удара не ощущается. Не хрустят кости, ударившись о серые кремнистые скалы. Едва коснувшись земли, Элис бежит, спотыкаясь на крутой лесной тропинке между колоннадами высоких стволов. Деревья тесно обступают тропу, и ей не видно, что скрывается за ними.

«Слишком быстро».

Элис цепляется за ветки, пытаясь замедлить бег, прекратить это безрассудное стремление в неизвестность, но руки ее проходят насквозь, словно она стала духом или призраком. Горсти узких листьев проскальзывают меж пальцев, как волосы сквозь

¹ Урок. Для всех (фр.).

зубья гребня. Она не чувствует прикосновения, но кончики пальцев становятся зелеными от сока. Элис подносит их к лицу, чтобы вдохнуть тонкий кисловатый запах, но и запаха не ощущает.

У нее уже колет в боку, но останавливаться нельзя, потому что погоня неуклонно приближается. Тропа под ногами становится круче. Сухие корни и камень сменяют лежавшие на мягкой земле под ногами ветки и мох. Но звука все нет. Ни птичьего пения, ни голосов — только ее прерывистое дыхание. Тропа изгибается, петляет, заставляя Элис метаться вправо и влево, пока за поворотом не возникает преградившая путь стена пламени. Колонна беззвучно свивающихся огненных языков, алых, белых, золотых, непрестанно сменяющих друг друга. Элис непроизвольно вскидывает руку, защищая лицо от жара, которого не чувствует. Но ей видны лица, увязшие в пляшущих огнях, — лица, мучительно искаженные прикосновениями обжигающих языков.

Элис пытается остановиться. Надо остановиться. Ступни у нее изодраны в кровь, длинный подол промок и мешает бежать, но погоня все ближе, и что-то неподвластное воле влечет ее в гибельные объятия пламени.

Остается только прыгать в надежде прорваться сквозь огненную стену. Она взлетает в воздух облачком дыма, проплывает высоко над рыжими огнями. Ветер несет ее, отрывая от земли.

Женский голос окликает ее по имени, но выговаривает его странно: «Алаис!»

Она спасена. Свободна.

Потом знакомая хватка холодных пальцев приковывает лодыжки к земле. Нет, не пальцев — цепей. Только теперь Элис замечает, что держит что-то в руках. Книгу — переплет завязан кожаными шнурами. Она понимает: вот что ему нужно. Им нужно. Это потеря книги разозлила их.

Если бы она могла говорить, быть может, можно было бы с ними сторговаться. Но в голове не осталось слов, а язык разучился говорить. Она бьется, стараясь сбросить цепи, но железная хватка неодолима. Она кричит, чувствуя, как ее медленно затягивает в огонь, но не слышит ни звука.

Элис снова кричит, ощущая, как бьется внутри ее голос, жаждущий быть услышанным. И на этот раз звук пробивается наружу. Реальный мир обрушивается на нее. Звук, запах, прикосновение, металлический вкус крови во рту. На долю секунды она замирает, пронизанная ледяным холодом. Это не знакомый уже холод пещеры, а что-то иное, сильное и яркое. В нем Элис различает мимолетный очерк лица, прекрасного и неясного. Тот же голос снова зовет ее по имени: «Алаис!»

Зовет в последний раз. Это дружеский голос. В нем нет угрозы. Элис хочет открыть глаза, в уверенности, что, увидев, сможет понять. Но не может. Совсем.

Сон бледнеет, отпуская ее.

Пора просыпаться. Надо проснуться.

Потом она слышит другой голос, руки и ноги обретают чувствительность, саднят ободренные коленки, ноют ушибы. Она чувствует, как ее трясут за плечо, возвращая обратно в жизнь.

— Элис! Элис, очнись!

ЧАСТЬ I

КРЕПОСТЬ НА ХОЛМЕ

Глава 1

КАРКАССОНА

Джюлет 1209 года

Алаис проснулась внезапно, подскочила, широко распахнув глаза. Страх бился в груди, как пойманная в силки птица. Она прижала руку к ребрам, чтобы сдержать удары сердца.

Мгновение между сном и явью она еще удерживала взглядом сновидение, чувствовала, как плывет, глядя на себя с огромной высоты, слово каменная горгулья, что строит рожи горожанам с крыши собора Сен-Назер — Святого Назария.

Она проснулась в собственной постели в замке Комталь. Глаза понемногу привыкали к темноте и начинали различать комнату. Ей уже не грозили тонкие темноглазые люди, гнавшиеся за ней всю ночь, хватавшие и тянувшие острыми когтями пальцев. «Теперь им до меня не дотянуться». Вырезанные на камне надписи — скорее картинки, чем слова, — таяли, как дым на осеннем ветру. И пламя тоже гасло, оставляя только след в памяти.

Вещий сон? Или обычный кошмар?

Ответа нет. Да она и боялась ответа.

Алаис потянулась к занавеси над кроватью. Как будто, ощутив в руках что-то вещественное, должна была почувствовать себя не такой прозрачной и бестелесной. Вытертая ткань, пропитанная пылью и знакомыми запахами замка, внушала уверенность самой своей грубостью.

Ночь за ночью все тот же сон. С самого детства, когда она просыпалась в темноте, белая от ужаса, с залитым слезами лицом, и видела у кровати отца, сидящего над ней, словно над сыном. Свеча догорала, и зажигалась новая, а он нашептывал ей

истории о приключениях в Святой земле. Рассказывал о бесконечном море пустыни, об изогнутых куполах и устремленных в небо минаретах мечетей, о том, как зовут на молитву сарацинских правоверных. Рассказывал о душистых приправах, о ярких и острых кушаньях, о беспощадном кроваво-красном солнце над Иерусалимом.

Год за годом, в смутные часы между сумерками и рассветом, она лежала рядом со спящей сестрой, а отец говорил и говорил, отгоняя демонов. Он не подпустил к ней черных братьев и католических священников с их суеверием и лживыми святынями.

Ее спасали отцовские рассказы.

— Гильом? — прошептала она.

Муж крепко спал, раскинув руки, захватив большую часть ложа. Его длинные темные волосы, пропахшие дымом и конюшней, рассыпались по подушке. Лунный свет лился в окно. Ставни были распахнуты, чтобы впустить в комнату ночную прохладу. Алаис различала даже тень щетины у него на подбородке. Цепь, которую Гильом носил на шее, блеснула, когда он шевельнулся во сне.

Алаис хотелось, чтобы муж проснулся и сказал ей, что все хорошо, бояться больше нечего. Но он затих, а будить его не приходило ей в голову. В других делах она не знала страха, но брак был для нее еще внове и внушал опасения. Так что Алаис только провела пальцем по гладкой загорелой руке и по плечам, широким и твердым от многих часов упражнений с мечом и турнирным копьём. Под кожей чувствовалось легкое движение. Вспомнив, как они провели первую половину ночи, Алаис покраснела, хотя смотреть на нее было некому.

Ее приводили в смятение чувства, просыпавшиеся в ней от близости Гильома: радостно сжимавшееся при виде супруга сердце, земля, ускользающая из-под ног, когда он улыбался ей. Но чувство беспомощности пугало ее. Алаис опасалась, что любовь сделает ее слабой, бессильной. Она не сомневалась в своей любви к мужу, но сознавала, что не отдастся ему целиком, утаивая малую частичку себя внутри.

Алаис вздохнула. Оставалось надеяться, что со временем все станет проще.

Чернота за окном, в которую вливалось серое сияние, и робкие намеки на птичье пение среди деревьев в крепостном дворе подсказывали ей, что недалек рассвет. Теперь уже не уснуть.

Алаис выскользнула из-под занавеси, на цыпочках пробежала к стоявшему в дальнем углу сундуку. Каменные плитки холодили ступни, разбросанный по полу тростник колот пальцы. Она откинула крышку, сдвинула мешочек с лавандой и вытянула простое темно-зеленое платье. Чуть вздрагивая, шагнула в него, протолкнула руки в узкие рукава, подтянула вверх отсыревшую материю лифа и туго затянула пояс.

Алаис было шестнадцать, и она уже полгода была замужем, но еще не набрала женской мягкости и изгибов тела. Платье свободно, как чужое, болталось на ее тонкой фигурке. Придерживаясь рукой за стол, она сунула ноги в мягкие кожаные туфельки и сняла со спинки кресла любимый красный плащ. Кайма на нем была вышита переплетающимися синими и зелеными квадратами и ромбами, а между ними пестрели мелкие желтые цветочки. Алаис сама придумала и сделала вышивку для дня венчания. Сколько недель над ним просидела! Весь ноябрь и декабрь она трудилась над плащом онемевшими и ноющими от холода пальцами, торопясь закончить к сроку.

Алаис занялась корзинкой-*панир*, стоявшей на полу у сундука. Проверила, на месте ли мешочки для трав и кошелек, полоски ткани, которыми она связывала пучки трав и кореньев, и инструменты, чтобы выкапывать и срезать растения. Потом хорошенько затянула ленточкой плащ на шее, опустила кинжал в ножны на поясе, надвинула капюшон, чтобы скрыть длинные, не заплетенные в косу волосы, и тихонько выбралась в пустынный коридор. Дверь за ней закрылась без стука.

Еще не пробили *примы*, так что в жилой части замка было пустынно. Алаис быстро прошла по коридору, со свистом подметая лапами плаща каменные плитки, и свернула на крутую узкую лестницу. Здесь ей пришлось перешагнуть через мальчика, прикорнувшего у стены покоев, отведенных ее сестре Ориане с мужем.

Она спускалась навстречу шуму голосов, доносившихся из расположенной в подвале кухни. Там работа была в разгаре.

Алаис расслышала шлепок и последовавшее за ним хныканье — для какого-то невезучего мальчишки день начинался подзатыльником, а рука у повара была тяжелая.

Она обогнала кухонного мальчика, волочившего тяжелую бадью колодезной воды.

Алаис улыбнулась ему:

— *Bonjorn!*

— *Bonjorn*, госпожа, — осторожно отозвался он.

— Проходи. — Она открыла перед ним тяжелую дверь.

— *Mercé*, госпожа, — поблагодарил мальчик уже не так робко. — *Grand mercé*.

В кухне царил суeta и сутолока. Над большим котлом — *payrola*, подвешенным на крюк над огнем, уже поднимались клубы пара. Старший кухарь перехватил у парнишки бадью, опрокинул ее в котел и молча кинул обратно водоносу. Пробираясь мимо Алаис обратно к колодцу, мальчишка с мученическим видом закатил глаза.

На большом столе посреди кухни уже стояли в запечатанных глиняных горшках каплуны, чечевица и капуста, готовые отправиться в кипящую воду. Тут же теснились миски с соленой кефалью, угрями и щукой. На краю стола лежали пудинги-фогаса в полотняных мешочках, гусиный паштет и ломти соленого окорока. Другой край заняли подносы с изюмом, айвой, фигами и вишней. Мальчуган лет девяти-десяти дремал, опершись локтями на стол, и его унылая мордочка ясно говорила, как радуется он перспективе провести еще один жаркий день у горячего очага, вращая вертел с мясом. Рядом с очагом под куполом хлебной печи ярко пылал хворост. Первая выпечка пшеничного хлеба — *pan de blat* — уже остывала на доске. От хлебного запаха Алаис сразу захотелось есть.

— Можно мне один хлебец?

Повар, разгневанный вторжением в его владения женщины, поднял глаза, узнал Алаис и тут же расплылся в приветливой улыбке, обнажившей гнилые зубы.

— Госпожа Алаис, — обрадованно заговорил он, вытирая руки о фартук. — *Benvenguda!* Какая честь! Давненько ты у нас не гостила. Мы уж соскучились.

— Жакоб, — ласково приветствовала его Алаис. — Я не буду мешать.

— Ты — мешать! — Он рассмеялся. — Как же ты можешь помешать?

Маленькая Алаис проводила немало часов на кухне, присматривалась и запоминала. Никакую другую девочку Жакоб не пустил бы и на порог своего мужского царства.

— Что, госпожа Алаис, чем могу служить?

— Дай немножко хлеба, Жакоб, и еще вина, если можно.

Повар нахмурился. Алаис невинно улыбалась.

— Прости меня, но ты уж не на реку ли собралась? В такую рань, и одна? Такая знатная дама... еще совсем темно. Я слышал, рассказывают...

Алаис положила ладонь ему на плечо:

— Ты очень добр, что беспокоишься обо мне, Жакоб, и я знаю, что у тебя самые лучшие намерения, но со мной ничего не случится, честно. Уже светает, а дорогу я отлично знаю. Сбегаю туда и вернусь так скоро — никто и не заметит, что меня не было.

— А отец твой знает?

Она заговорщицки поднесла палец к губам:

— Ты же знаешь, что нет. Но пожалуйста, не выдавай меня. Я буду очень осторожна.

Жакоб явно нашел бы что еще сказать, но дальше возражать не посмел. Он неторопливо прошел к столу, завернул в льняную салфетку круглый хлебец и послал поваренка за кувшином вина. Глядя на него, Алаис чувствовала, как ноет у нее сердце. Повар двигался медленно и неловко, заметно припадая на левую ногу.

— Нога все беспокоит?

— Почти нет, — солгал повар.

— Я потом сделаю перевязку, если позволишь. Похоже, рана не заживает как следует.

— Ничего страшного.

— А ты прикладывал мой бальзам? — спросила она, уже видя по его лицу, что ответ отрицательный.

Жакоб беспомощно вскинул пухлые руки:

— Столько дел, госпожа, — столько гостей: сотни, если считать со слугами, конюшими, фрейлинами, не говоря уж о кон-

сулах с семействами. И провизию нынче раздобыть нелегко. Вот только вчера послал я...

— Все это очень хорошо, Жакоб, — перебила Алаис, — но рана сама собой не заживет. Слишком глубокий порез.

Она вдруг заметила, как тихо стало кругом, и, оглянувшись, убедилась, что вся кухня прислушивается к их разговору. Младшие повара навалились на стол и разинув рты смотрели, как их вспыльчивый повелитель выслушивает нотацию. Да еще от женщины!

Притворяясь, будто ничего не заметила, Алаис понизила голос:

— Можно я потом этим займусь — заплачу за пропитание? — Она погладила сверток с хлебом. — Это будет еще один наш секрет, *ос*? Честная сделка?

На минуту ей показалось, что она зашла слишком далеко и слишком много себе позволила. Но Жакоб, чуть помедлив, усмехнулся.

— *Ben*, — кивнула Алаис. — Хорошо. Я зайду днем и займусь этим. *Dins d'abord*. Скоро.

Выскользнув из кухни и взбираясь вверх по лестнице, Алаис слышала, как громыхает повар, разгоняя по местам ротозеев и бездельников. Она улыбнулась.

Все было в порядке.

Алаис потянула на себя тяжелую наружную дверь и окунулась в нарождающийся день.

Листья вяза, стоявшего посреди крепостного двора, — под ним виконт Тренкавель вершил суд — чернели на побледневшем небе. В его ветвях копошились и неуверенно пробовали голоса жаворонки и крапивники.

Дед Раймона Роже Тренкавеля выстроил шато Комталь больше столетия назад, чтобы отсюда править своими разрастающимися владениями. Его земли протянулись от Альби на севере к Нарбонне на юге, от Безьера на востоке к Каркассоне на западе.

Прямоугольник стен захватывал развалины более древнего замка, усилившие укрепления на западной стороне городской стены, — мощного каменного кольца, высившегося над рекой Од и северными болотами.

Содержание

К читателю	7
Историческая справка	8
Пролог	13
Часть I. КРЕПОСТЬ НА ХОЛМЕ	29
Часть II. СТРАЖИ КНИГ	197
Часть III. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОРЫ	437
Эпилог	563
Примечание по поводу языка	567
Краткий словарь окситанских слов	568
Литературные источники	570
Благодарности	571

Мосс К.

М 83 Лабиринт : роман / Кейт Мосс ; пер. с англ. Г. Соловьевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 576 с. — (The Big Book). ISBN 978-5-389-15551-0

Элис работает волонтером на археологических раскопках в Пиренеях и случайно находит пещеру с захоронением и загадочным чертежом на стене. Такой же узор, похожий на лабиринт, вырезан на внутренней стороне кольца, подобранного девушкой в древней могиле. Сверхъестественным образом перед внутренним взором Элис возникают картины далекого прошлого. Ей кажется, что она сама была участницей зловещих событий, связанных с великой тайной еретиков-катаров — бесследно исчезнувших хранителей Святого Грааля. Восемь столетий назад потребовалась огромная жертва, чтобы сберечь эту тайну, но и в двадцать первом веке платой за ее неприкосновенность может стать человеческая жизнь...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КЕЙТ МОСС
ЛАБИРИНТ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.03.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 36. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABB-23936-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/